

Даже с собственных земель, отдавая оброк в казну, приходилось платить примерно две десятины.

— Не нужно, — сказал Чжуан Ян.

— Старик И, дай ему пятьдесят монет на семена да рассаду.

Денег при себе у Чжуан Яна не было, вёл их старик И.

К тому моменту пить ему уже не хотелось, зато живот подвело изрядно, и он лишь мечтал поскорее убраться.

Разобравшись с делом семьи Чжоу Цзи, Чжуан Ян со стариком И повернули назад и взошли в повозку.

— Эрлан, может, в крестьянском доме перекусим? — спросил старик И.

Чжуан Ян, уже откусывая яичный блин, усмехнулся:

— Не надо. Пораньше вернёмся, чтобы матушка не беспокоилась.

Выехали они с утра пораньше, к полудню должны были уже вернуться.

Сегодня его не было в Деревне Чжу, и он не знал, не шлялась ли опять Чжуан Лань по окрестностям.

А Чжуан Лань с самого утра помчалась к Цюаньцзы.

Цюаньцзы сделал на верёвке скользящую петлю, накинул её поросёнку на шею и переднюю ногу, затянул мёртвым узлом и привязал к небольшому деревцу перед домом. Поросёнок похрюкивал, выражая недовольство. Цюаньцзы взял разбитый глиняный горшок, наполнил его сваренной для свиньи травой и поставил перед ним. Поросёнок, фыркнув, принялся жадно уплетать.

— Брат Цюаньцзы, ему же загон нужен, — сказала Чжуан Лань, присев на корточки рядом и наблюдая, как поросёнок ест.

Цюаньцзы отправился к реке за водой для полива бобового поля. Бобовые у него уже вытянулись, оплетая половину бамбуковых подпорок.

— Брат Цюаньцзы, а ты умеешь кирпичи жечь? — спросила Чжуан Лань.

Она видела, как в Деревне Чжу люди жгли кирпичи для свинарников, но выглядело это муторно — ещё и печь строить нужно.

— Нет, — ответил Цюаньцзы, зачерпывая тыквенной горлянкой воду для полива корней.

— Брат Цюаньцзы, а где же поросёнок жить будет? — не унималась Чжуан Лань, поглаживая поросёнка по голове. Тот помахивал большими ушами.

— Шалаш из бамбука поставлю.

Хотя Цюаньцзы находил, что Чжуан Лань слишком болтлива, на вопросы он отвечал.

— Я помогу! Я бамбук рубить умею!

— Не надо.

Ведро опустело. Цюаньцзы снова отправился к реке за водой, оставив Чжуан Лань болтать со свиньёй.

В полдень, закончив занятия, А-Пин и А-Ли тоже прибежали на западный берег. А-Ли, следуя за А-Пином и Чжуан Лань, тоже принялся звать Цюаньцзы «братом Цюаньцзы». Словно собирались они компанию сколотить, чтобы братьям Чжан противостоять.

Отправился Цюаньцзы в бамбуковые горы за материалом, а за ним — целая ватага детей. Цюаньцзы рубил бамбук, А-Ли с Чжуан Лань носили жерди, А-Пин управлял лодкой, перевозя бамбук на западный берег, к дому Цюаньцзы.

На свинарник бамбука требовалось немало. Четверо ребят возились в бамбуковой роще позади усадьбы Чжуанов, смеясь и болтая. Увидев это, А-Хэ поспешила доложить матушке. Та вышла, посмотрела и велела А-И присмотреть, чтобы чего не вышло.

А-И был молод, всего на несколько лет старше ребятни. Посланный присматривать, он сам влился в игру — учил Цюаньцзы, как фундамент копать и каркас из бамбука вязать.

Вернувшись из Волости Ло, Чжуан Ян как раз и застал эту шумную ватагу на западном берегу, сооружавшую бамбуковый шалаш.

Чжуан Ян сошёл с повозки, пересёк по мостику реку и подошёл к строящемуся шалашу. Картина предстала такая: Чжуан Лань строгаёт бамбуковые планки, А-Пин тащит тонкие жерди, Цюаньцзы, забравшись на каркас, привязывает бамбук, а А-Ли с А-И внизу помогают ставить бамбуковые щиты.

Рядом с шалашем тапирёнок Чжусунь бежал, забавно выворачивая лапки, и бросился к Чжуан Яну; жёлтый пёсик, лежавший на земле, завидев Чжуан Яна, тут же вскочил и завилял хвостом. Чжуан Ян заметил и поросёнка, привязанного к дереву, который похрюкивал в сторону своего нового жилища.

— Брат!

Первой, конечно, заметила Чжуан Яна Чжуан Лань. Её крик «Брат!» тут же подхватили остальные — и А-Ли, и А-Пин тоже звали его братом.

Цюаньцзы, сидя на каркасе, сверху вниз разглядывал Чжуан Яна. Видел он и его гранатового цвета нижнюю одежду, и надетый сверху длинный халат с изящным узором, и его красивую, до чрезвычайности мягкую улыбку.

В Деревне Фэн таких нарядно одетых да ещё и таких красивых людей он не видывал. Не мог не задержать на нём взгляд.

Чжусунь, повиснув на ветке камелии, успел ободрать немало цветов. А-И, пытаясь его согнать бамбуковой палкой, лишь заставил забраться выше, пока тонкая ветка не сломалась под его тяжестью, и тапирёнок свалился напрямиком в объятия Чжуан Яна.

— Ме-е-е!

Чжусунь в объятиях Чжуан Яна растопырил передние лапы, обнимая его со всех сторон, и принялся с жаром целовать ему лицо. Чжуан Ян отодрал его от себя и передал А-И:

— Запри.

А-И, с хитрой ухмылкой, поволок тапирёнка к бамбуковому шалашу.

Тапиры лазать по деревьям умели, и от Чжусуня в разной степени пострадали все деревья во дворе.

Проведя длинными пальцами по ободранной коре ствола камелии и увидев осыпавшиеся на землю цветы, Чжуан Ян, естественно, огорчился.

Взяв метлу, он подмёл лепестки и опавшие листья, а потом поднял голову и увидел впереди троих незнакомцев: двое воинов в доспехах, а между ними — человек в одежде чиновника.

Обычный полдень, и эти трое посетителей нарушили покой Деревни Чжу.

— Брат... — А-Пин тихонько дёрнул Чжуан Яна за рукав, робко прячась за его спиной.

— Ничего. Иди в дом, — сказал Чжуан Ян.

Он отложил метлу и совок, поправил одежду и вышел навстречу.

Старшего брата не было дома, положиться было не на кого. Во всём доме Чжуанов — одни старики да дети. Пятнадцатилетнему Чжуан Яну приходилось самому со всем справляться.

В прежние годы весной чиновники за податями наведывались редко. Разве что однажды, когда на юго-западе варвары взбунтовались, начальник уезда Линьцун и весной подати собрал. Нынче же всё не как обычно. Неужто снова война?

Для семьи Чжуан выплатить подати было по силам — каждый год они исправно вносили положенное, хоть суммы эти с каждым годом и росли.

Чжуан Ян принял сборщика податей во дворе. Обходился он вежливо, спросил, почему сбор начали весной. Чиновник, видя его учтивость и образованность, пояснил: в этом году собирают не только весной, но и со всех мальчиков старше тринадцати лет, независимо от совершеннолетия, по сто пятьдесят монет.

— Но если они ещё несовершеннолетние, на попечении родителей, зачем же с них подати взимать? — изумился Чжуан Ян.

Выходило, его семье придётся заплатить куда больше.

— У всех так. Вижу, вашей семье это по карману, — холодно ответил чиновник.

Проехав столько дворов, сколько слёз и мольбы он уже наслушался — ничто его не трогало.

— В былые годы, когда Хуан Шэн управлял Ичжоу, он и с детей, и со стариков подати собирал. Сколько семей из-за этого разорилось, сколько людей без крова осталось! Даже сейчас многие поля в Деревне Чжу пустуют.

Семья Чжуан заплатить могла, но долго так продолжаться не могло. Рано или поздно снова смута начнётся. Народная жизнь и так нелегка, а тут ещё такое бремя.

— Вы человек учёный, с такими речами поосторожнее, — холодно молвил чиновник, окидывая Чжуан Яна взглядом.

Лишь потому, что юноша смотрелся необычно, он с ним так мирно и беседовал. О том, как жадного и жестокого тайшоу Хуан Шэна подчинённые убили, знали все.

— Я знаю, наш уездный начальник человеколюбив и меня не осудит. Я же искренне опасуюсь: если народ из-за этого поля забросит, в горы сбежит, шайки сколотит — покоя нам снова не видать.

Чжуан Ян поклонился. Слова его были искренни, от сердца. А что уездного начальника он человеколюбивым назвал — так это лишь из вежливости.

— Уездный начальник таланты ценит. Не пожелает ли молодой господин на службу поступить? — спросил чиновник, глядя на Чжуан Яна со всё большим одобрением.

В Линьцюне учёных людей мало, таланты — редкость.

— Благодарю за милость. Но отец мой скончался, матушка нездорова, брат с сестрой ещё малы — служить я не могу, — с глубоким поклоном отказался Чжуан Ян.

Он держался в тех рамках, чтобы и не оскорбить, и собеседника в неловкое положение не поставить.

— Что ж, — сказал чиновник.

Он понимал, что семья богата и, вероятно, на чиновничье жалованье не рассчитывает. Да и Чжуан Ян ещё молод, несовершеннолетний — на службу ему рано.

— Семья Чжуан Бина: пять душ, да четверо слуг, итого... — чиновник назвал сумму, нанёс чернилами строчку цифр на деревянную дощечку и обвёл кружком иероглифы «Семья Чжуан».

— Ладно, — более не препираясь, Чжуан Ян вернулся в дом за деньгами.

Матушка Чжуан чиновника и солдат до смерти боялась, затаилась в комнате, не смея пикнуть, прижимая к себе Чжуан Лань и А-Пина. Чжуан Ян успокоил её:

— Матушка, не бойтесь. За податями пришли.

Только тогда матушка Чжуан отпустила детей, дала Чжуан Яну ключ и наказала:

— Янэр, не вступай с ними в пререкания, поскорее проводи.

Чжуан Ян кивнул в знак согласия.

Взяв деньги, он вышел, вручил их и проводил чиновника с солдатами. Не спеша вернуться в дом, он увидел, как те указывают на дом Цюаньцзы на том берегу и направляются к деревянному мосту.

А справится ли семья Цюаньцзы с тремя сотнями монет? Говорили, будто есть у них богатые родственники. Но для бедняков, у которых весной урожай ещё не собран, такие подати, да ещё и с детей, — бремя неподъёмное.

<http://bllate.org/book/15945/1425472>